

Человек и природа в холодной войне. Конфронтация, конфликт и сотрудничество как глобальные силы

Проф. Клаус Гества (Университет Тюбинген)

Экологическая история, безусловно – одна из наиболее плодотворных областей исследований в исторической науке последних лет. Ее охват не ограничивается исключительно исследованием флоры и фауны или документированием причиненного человеком ущерба окружающей среде. Экологическая история в большей степени притягательна и важна потому, что экономическая и политическая деятельность, как и культурные процессы осмысления реальности, неразрывно связаны с окружающим миром и его ресурсами. Цель исторического познания, соответственно, должна состоять в том, чтобы благодаря анализу динамичных и содержательных взаимоотношений человека и природы прийти к интересным выводам по ключевым вопросам, которые волнуют нас, историков. Это вопросы о соотношении сил эпохи, о социальных порядках и коллективных идентичностях, на которых эти порядки основаны.

Долгое время национальное государство было вполне плодотворным аналитическим контекстом для исследований по экологической истории. Культурная символика приписывала ландшафтам символический смысл, и таким образом, в этой трансформированной форме, они использовались для производства национальных смыслов. Вы знаете определения «отец Рейн», «матушка Волга» или «синий глаз Сибири» о Байкале. Часто из характера ландшафта даже выводится характер нации. Так, в русском самовосприятии безграничный простор русского пространства якобы стимулирует внутреннюю широту русской души, что бы под этим ни понимать. Иначе говоря, «зеленые» проекции нации, которые превращали реки, моря и горы, а также деревья, зверей и птиц в национальные символы, играли важную роль в самоосознании общества в XIX и XX веках.

Взгляд экологической истории на национальное государство представлялся долгое время оправданным и потому, что централистское государственное планирование и меры по защите окружающей среды в значительной степени определяли то, как развивались отношения между природой и человеком в отдельных странах. Сюда относится и то, что многие страны объявили охраняемые ландшафты «национальными парками».

Однако в последние годы в большей степени стала требоваться экологическая история в расширенных глобальных, равно как и локализованных региональных рамках.

Это имеет веские основания: флора и фауна, реки, океаны, загрязнение окружающей среды и природные катастрофы не органичиваются государственными границами. Для исследований климата пространственные ограничения вообще невозможны. Экологическая история фактически «транснациональна по природе», как точно сформулировал мюнхенский историк Уве Любкен (Uwe Lübken). Экологическая история, исследующая ресурсы, также не может игнорировать глобальные пересечения. Например, в истории энергетики показывается, как с помощью американских высоких технологий на арктическом полуострове Ямал добывается российский газ, который затем отапливает дома в далекой Европе.

Помимо этого, определенные экологические феномены, процессы и проблемы встречаются по всему миру в разных местах. Деградация почв, наводнения и загрязнение воздуха, лесные пожары и обезлесение – всем этим занимаются многочисленные эксперты, которые находятся в тесном контакте между собой. Так возникает глобальное сотрудничество и возникают формы транснационального производства важных знаний об окружающем мире и их трансферов поверх границ.

Кроме того: если присмотреться внимательнее, станет ясно, что «зеленые» проекты нации в эпоху романтизма также были часто результатом культурного импорта. Когда Пушкин, Лермонтов, Гоголь и Тургенев создавали литературные образы ландшафтов для формирования национальной идентичности, а Иван Шишкин и Исаак Левитан основали типично русскую пейзажную школу, это происходило абсолютно в духе европейского романтизма. Сначала они подражали лорду Байрону и Гете, чтобы впоследствии в рамках признанного романтического жанра создать свой собственный русский стиль. Стиль, который, в свою очередь, имел обратное влияние на Европу и в значительной степени определил там представления о России и ее жителях.

Интерес к транснациональной точке зрения сегодня переплетается у представителей экологической истории со стремлением больше сфокусировать свои исследования на региональном уровне. Историк из Фрайбурга Юлия Херцберг (Julia Herzberg) призывает «утверждать транснациональную экологическую историю в перспективе малых пространств». В фокус должен в большей степени попасть регион, «пространственная родина» человека и природы. Часто глобальные феномены – такие, как изменение климата – проявляются только на локальном уровне в форме экстремальных явлений приро-

ды, таких как наводнения, засухи и землетрясения. Региональный подход предоставляет хорошие шансы исследователям, так как:

1. Перспектива, сфокусированная на локальный уровень, позволяет точно определить место исторических акторов в контексте условий их существования. Потому что только на основе точной реконструкции человеческого опыта и ожиданий, подробного описания коллективных смыслов и действий могут быть сделаны обобщающие выводы о силах, формах и последствиях общественно-экономических перемен и получена, таким образом, новая информация о меняющихся во времени соотношении сил. Когда подробно изучены социальные причины и последствия природных процессов в небольших региональных рамках, становится возможным вывести отсюда следующие связи с более крупными факторами национального и глобального масштаба.

2. Экологическая история исходит из того, что социальное следует понимать не только как исключительно интеракцию между людьми и группами. Необходимо учитывать в большей степени роль и функцию природных факторов. Из-за многообразной автономной динамики природа - это больше, чем только исторический объект. Ее следует понимать и как исторического актора особого рода, процессы которого происходят часто в ином темпе, чем социальные изменения. Лишь в сочетании экологических процессов с техническими методами, административными практиками и культурными толкованиями осваиваются пространства и создаются социальные порядки. Эти взаимоотношения между природным и социальным, материальным и дискурсивным лучше всего исследуются через подробный анализ локальных контекстов. Власть вещей и историчность природы необходимо принимать всерьез.

На двух примерах я хотел бы теперь проиллюстрировать, каким объясняющим потенциалом обладает сочетание глобальных и региональных сторон экологической истории.

Балтийское море как транснациональная экосистема, и эко-национализм в Эстонии.

В эпоху холодной войны Балтика была внутренним морем Северной и Восточной Европы, которая и разделяла, и соединяла между собой страны западного и восточного блока, а также нейтральные государства. Опираясь на тревожные результаты исследований, журнал «Шпигель» сообщал на своей обложке в 1973 г., что Балтика превратилась в «самое грязное море в мире». Используемая всеми прибрежными странами в качестве свалки, она представляла собой «море, полное мусора и уродства», которому скоро грозит экологическая смерть. С самого начала было ясно, что борьба за чистоту Балтийского моря не может быть выиграна отдельной национальной акцией. По инициативе Швеции и Финляндии в 1974 г. все семь прибрежных балтийских государств подписали Хельсинкскую конвенцию – многостороннее соглашение о защите окружающего мира. Его заслугой было то, что это соглашение создавало транснациональное пространство общения и способствовало общению экспертов по экологии в эпоху холодной войны. Балтика, покрытая плотной сетью измерительных и исследовательских станций, уже к 1980-м гг. стала представлять собой морскую территорию, уникальную в мире с точки зрения интенсивности наблюдений. Это создало важную базу для сотрудничества между Востоком и Западом, которое в конечном итоге, пусть и нескоро, способствовало началу экологического спасения Балтики.

Эта транснациональная экологическая инициатива в Балтийском регионе хорошо вписалась в просыпающееся тогда мировое экологическое сознание. К началу 1970-х гг. по всему миру множились тревожные сообщения о состоянии экологии. Становился очевидным глобальный характер экологического кризиса. 1970-е годы стали, таким образом, десятилетием экологического подъема. Важной вехой интернационализации стала первая конференция Объединенных наций по окружающему миру человека, которая прошла в 1972 г. в Стокгольме. Мировое сообщество высказалось за трансграничное и межблоковое сотрудничество в области защиты экологии. Этому развитию экологической коммуникации в глобальном масштабе в немалой степени способствовала успешная политика разрядки 1970-х гг., которая несколько сгладила холодную войну. Так, подписанный в августе 1975 г. в Хельсинки Заключительный акт СБСЕ включал в себя так называемую корзину по сотрудничеству в области науки и техники; в том числе совместное заявление по охране экологии. Общественные настроения в то время в меньшей степени определял коллективный страх перед обменом ударами ядерного оружия, - но прежде всего созданный экологическими катастрофами и кризисом окружающей среды сценарий глобальной угрозы: хрупкий корабль Земля может быть разрушен непродуманной деятельностью человека.

Правда, советская политика с ее неизменной идеологической зашоренностью пыталась и в этом случае утверждать, что кризис экологии представляет собой лишь проблему капиталистического мира. Но знакомясь с бестселлерами по экологии, часто переведившимися на русский язык, все больше читателей понимали, что описанные там условия часто встречаются и в их собственной стране. В политической терминологии Советского Союза употреблявшееся до того лишь экспертами понятие *экология* в 1970-е гг. сделало быструю карьеру. Вера в иммунитет социализма перед экологическим кризисом стремительно теряла приверженцев по мере того, как в 1970-х и особенно в 1980-х гг. последствия хищнического освоения природы многие почувствовали на себе или узнали о них из советской прессы, которая активно писала о загрязнении природы. В конце 1980-х гг. эксперты составили список наиболее загрязненных городов. При этом советские промышленные центры, такие как Норильск, Братск, Магнитогорск и Мариуполь, попали в верхние строчки этого хит-парада экологического кошмара.

Когда в 1970-х гг. статус защиты окружающей среды поднялся до уровня глобальной политики, логика конкуренции систем заставила Советский Союз выступить на арену экологии, чтобы выиграть в политическом имидже. Поэтому в 1970-е гг. появилась целая волна новых, для того времени современных и значительных законов об охране экологии. Советское партийное и государственное руководство, таким образом, было поставлено в условия необходимости действовать в области охраны окружающей среды. С другой стороны, правительство давало своим гражданам целый арсенал аргументов, которые могли быть использованы, чтобы через проблематизацию экологических вопросов выразить общее недовольство советским модерном, тематизировать растущее отчуждение, требовать участия в жизни страны и гражданских прав. Дебаты по экологии предоставили недовольным новое публичное пространство и даже стали побудительным механизмом для политического протеста.

Это прежде всего проявилось в Эстонии, советской республике, в которой руководство и население уже очень рано отличало развитое экологическое сознание. К середине 1980-х отдельные критические оппозиционные голоса слились в возмущенный массовый хор. Сформировался широкий, охватывающий все слои общества протест, из-за того, что министерства в Москве планировали начать на севере Эстонии добычу горючего шифера и фосфоритной руды, превращая обширные области в мрачный лунный ландшафт. В 1987 г. эко-гласность в Эстонии все более набирала силу. Протест приобрел международные масштабы, поскольку эстонские активисты смогли убедительно продемонстрировать прежде всего в Швеции и Финляндии, что экстенсивная добыча

горючего сланца и фосфоритной руды представляет собой опасность для всего балтийского региона. Это придало экологическому протесту значительно больше убедительности.

Эта политизация экологии вскоре привела непосредственно к другим значительным спорным темам – таким, как история пакта Молотова-Рибентропа 1939 г., который привел к насильственному включению Прибалтики в Советскую империю и оставил трагический след волн террора и депортаций. Сторонники эстонского Народного фронта, а с ними абсолютное большинство эстонцев, наконец, пришли к мнению, что родную природу и культуру может спасти только государственная независимость и выход из состава советской империи. Политическая экология стала важным инструментом национализации. В маленькой Эстонской Советской республике региональное приняло форму национального.

Так пример Балтийского моря показал, как окружающий мир становится полем деятельности, выходящим за границы блоков, как транснациональные процессы и региональная динамика соединились в нем, чтобы оказать давление на московское руководство, выступающее в роли центрально-государственного уровня. Поскольку оно не смогло претворить на практике торжественно провозглашенные ими самим экологические цели. Зеленая имиджевая кампания Москвы привела из-за ее практической безрезультатности на местах к потере легитимности советского партийного государства.

Однако после распада советской империи экология вскоре перестала быть темой, которая особенно волновала в посткоммунистической Эстонии политику и общественность. Добыча горючего сланца и фосфоритной руды, против которой выступали ранее, отнюдь не была прекращена, поскольку она оказалась слишком значимой для экономики независимой Эстонии. Однако вновь установленные импортированные из Швеции и Финляндии очистные и фильтрующие сооружения помогли добиться существенного снижения выброса вредных веществ. Власти теперь смогли отменить запрет на купание, введенный во многих местах уже за двадцать лет до того.

Международные полярные исследования и изменения климата

Важным событием глобальной истории науки и экологии был провозглашенный в 1957 г. Международный геофизический год (МГГ). Его подготовили британские и американские исследователи, однако затем в него успешно включились и советские ученые с очень масштабными программами. Исследователи осознали, что качественно нового

знания об окружающей среде и климате и лучшего понимания функционирования Земли как системы можно достичь только путем глобального сотрудничества. В беспрецедентном до того мировом годе науки приняли участие 67 стран. Для его организаторов успех этого глобального «концерта экспериментов» означал надежду на преодоление политических разделений холодной войны. И не без оснований: удалось реализовать исследовательские программы с глобальной координацией и достичь затем свободного практически неподцензурного обмена данными геофизических наблюдений и измерений, которые могли быть получены с помощью новых эффективных технологий – таких как спутник и компьютер. Особенные выгоды от этого получили полярные исследования. Покрытая сетью новых исследовательских станций, Антарктика, до того последняя *terra incognita*, стала самой большой полевой лабораторией планеты.

Успех Международного геофизического года имел и политические последствия. Заключенное в 1959 г. соглашение по Антарктиде вступило в силу в 1961 г. Согласно ему до того внесударственное полярное пространство стало обладать международным статусом, так что ни одна страна мира не могла иметь на Южном полюсе территориальных претензий. Провозглашенный современниками «мировым мирным договором», он объявлял антарктические территории эксплицитно совместным наследием человечества, требующим защиты; континентом без оружия и границ. Была также запрещена эксплуатация природных ресурсов Антарктики, даже промысел китов и рыбы. Договор по Антарктике стал вехой и примером для последующих соглашений – например заключенного в 1967 г. договора о космическом пространстве, признавшем за ближней орбитой Земли статус политически нейтральной зоны.

Наконец, благодаря МГГ в последующем динамически развивались научные связи и увеличилось участие международных организаций. Без созданной тогда антарктической науки было бы невозможно установить в 1980-х гг. существование озоновой дыры, не было бы прорыва в развитии исследований изменения климата. В 1984/1985 гг. международная исследовательская команда организовала вблизи советской полярной станции «Восток» глубокое бурение антарктического глетчера. Полученные тогда в составе ледовых проб полости с воздухом оказались надежными свидетелями истории – они раскрыли информацию об изменяющемся составе земной атмосферы. Было получено убедительное доказательство, что парниковый газ может влиять на мировой климат и вызывать его потепление.

Эти полученные совместно научные данные привели к последствиям в экологической политике. В 1987 г. было подписано международное соглашение по защите имеющего важное значение озонового слоя в атмосфере земли. Изменение климата тоже отнюдь не было в 1980-е гг. абстракцией – оно проявилось на местах в форме частых и все более опустошающих засух во многих аграрных регионах, так что его можно было почувствовать на собственном опыте.

В том числе это коснулось и Советского Союза, сельское хозяйство которого страдало под воздействием долгих засушливых периодов. Угрожающие прогнозы климатологов на будущее и засухи заставили правительства институционализировать политику климата на международном уровне. Была основана Межправительственная комиссия по изменению климата (*Intergovernmental Panel on Climate Change – IPCC*). Ее задача состояла в том, чтобы подробнее исследовать риски антропогенного потепления климата и придти к политическому консенсусу, достичь выработки нормативного международно-правового соглашения по ограничению парникового газа. Однако международные исследования климата уже вскоре стали жертвой хаотических процессов в политике; до сего дня – как вы наверняка знаете – идет упорная борьба за глобальное соглашение по защите климата, которое должно помочь ограничить потепление Земли. Но хотя урегулирование эколого-дипломатических конфликтов нередко проблематично, а глобальный план действий по климатической политике до сих пор не выработан, все же дебаты по изменению климата показывают, как выросло значение международной экологической политики в последние десятилетия.

Переход темы экологии и климата в разряд популярной глобальной политики влечет за собой интересные исследовательские проблемы, на которых я хотел бы коротко остановиться.

Во-первых, мы до сего дня почти ничего не знаем о вкладе советских, а позднее российских экспертов-экологов на международных экологических конференциях и в международных организациях, о возможностях в рамках их деятельности влиять благодаря своему присутствию на арене глобальной экологической политики на организацию советской и российской политической жизни. Эти эксперты-экологи действовали в качестве посредников между внутренним и внешним миром, «культурных брокеров», которые в значительной степени организовывали трансфер знаний и опыта.

Во-вторых, пока еще мало известно, какие последствия имели связанные с изменениями климата глобальные процессы для региональных условий. Существовали гло-

бальные программы борьбы с наступлением пустынь, с пыльными бурями и эрозией, а кроме того, дебаты по глобальному водному кризису и связанными с этим проблемами засоления почв. Оказывали ли они влияние на использование почвенных и водных резервов в отдельных советских регионах? Какая возможная локальная динамика при этом проявлялась? Обращает на себя внимание, например, что советское почвоведение имело в мире хорошую репутацию, но его предложения лишь в ограниченном масштабе реализовались в аграрной политике. Так, инсектицид ДДТ по-прежнему широко применялся на полях, несмотря на мировое осуждение и советский запрет – часто с тяжелыми последствиями для природы и человека. Продолжающийся кризис сельского хозяйства, нередко плачевное экологическое состояние аграрных регионов и безответственное обращение с водой, ставшее очевидным из-за высыхания Аральского моря, – все это проблемы экологической истории, которые обязательно нуждаются в регионально-исторических исследованиях. Не в последнюю очередь потому, что в современной ситуации очевидно наличие сравнимых комплексов проблем, – в частности, поскольку в России теперь на место бывших колхозов пришли крупные аграрные концерны.

И в-третьих: изменения климата воспринимаются в России не только как угроза, но и – для Крайнего Севера – как желанная перспектива. Таяние айсбергов и глетчеров в Арктике не только создает лучшие условия для судоходства, но и делает возможным оптимальное освоение сырьевых и энергетических ресурсов за Полярным кругом. Это будит аппетиты. Выдвигаются территориальные претензии – в том числе, когда в ходе нового Международного геофизического года 2007/2008 российские полярные исследователи установили на морском дне в районе Северного полюса флаг России.

Вызывает озабоченность и то, что повсюду в Арктике увеличивается военное присутствие, а промышленность продвигается все дальше за Полярный круг. Критически воспринимается в мире сегодня добыча на шельфе газа и нефти, которая в бурном Северном ледовитом океане считается очень рискованной и представляет собой угрозу для всей арктической природы. Поэтому международные экологические неправительственные организации активно протестуют против нее: последним резонансным случаем был инцидент с кораблем «Гринписа» *Arctic Sunrise* у платформы Газпрома в сентябре 2013 г. Если Антарктика пользуется международным статусом и защищена от военного присутствия и экономической эксплуатации, то в Арктике множатся международные конфликты.

Эта политическая актуальность, разумеется, подогревает интерес к полярной истории. Истории, которая может быть рассказана по-иному, нежели героические нарративы сталинистской эпохи об Отто Шмидте и Иване Папанине. Советское освоение Арктики было не только триумфом, но и трагедией. Так, мы еще очень мало знаем о том, как коренные народы Севера пережили вторжение советской промышленной цивилизации в области их проживания. Дальнейшего анализа требует и роль советской полярной науки в пространстве между глобальной контекстуализацией и региональными исследованиями, между национальными достижениями и международной ответственностью. Здесь еще остается неразведанным большое поле полярных исследований, освоение которого может дать глобальной экологической истории новые перспективы и импульсы.

Наши три вводных доклада были предназначены для того, чтобы показать, что с учетом разнообразных межграницных интеракций историю нельзя рассказывать в границах закрытых национальных или имперских пространств. С точки зрения методологии это означает, что необходимо выйти за пределы интерналистского по своей сути анализа и в большей степени сосредоточиться на трансграничных и межблоковых пересечениях и взаимозависимостях. Изменения обществ происходили отнюдь не только на основе внутренней динамики, но и потому, что это было реакцией на развитие в других странах, с которыми эти общества состояли в системе взаимодействия, в том числе глобального характера.

Уже в биполярном мире холодной войны существовало множество интересных для анализа процессов обмена, которые предшествовали глобализации после 1991 г. и растворились в ней. С одной стороны, холодная война с ее непримиримым конфликтом моделей модерности XX века вела к расколу мира; противостояние систем провоцировало многочисленные рискованные конфликты, которые отразились и отражаются до сего дня на международной экологической политике. С другой стороны, трудно не заметить, что благодаря увеличивающейся как в масштабах, так и в скорости циркуляции людей, товаров и идей история мира после 1945 г. становилась все более транснациональной и все более переплетенной. Несмотря на все стены и пропасти проявились первые несмелые контуры мирового сообщества, что было заметно по растущему числу международных организаций и их растущей активности на мировой арене. Безусловно, на это повлияло новое восприятие хрупкости «космического корабля под названием Земля», которое с 1970-х гг. изменило взгляды на мир и укрепило чувство сопричастности всему человечеству. Поэтому глобализацию в прошлом и в настоящем необхо-

димо понимать не только с точки зрения экономики и культуры, но и экологии – пусть даже в отдельных странах некогда бурная экологизация общества и политики пока застопорилась.

Экологические дебаты – это тоже урок истории – всегда индикатор общественных перемен, критического мышления и демократизации. Они дают гражданам возможности участия для активного воздействия на создание условий для жизни, для того чтобы не допустить деградации до уровня безвольного объекта экономики и политики. Там, где нет открытого обсуждения экологических проблем, дела в политике и общественной сфере обстоят обычно нелучшим образом.

Избранная библиография

Uwe Luebken: Undiszipliniert: Ein Forschungsbericht zur Umweltgeschichte, in: H-Soz-u-Kult, 14.07.2010, URL: <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/forum/2010-07-001>.

Julia Herzberg: Ostmitteleuropa im Blick. Umweltgeschichte zwischen Global- und Regionalgeschichte, in: dies. u.a. (Hg.), Umweltgeschichte(n). Ostmitteleuropa von der Industrialisierung bis zum Postsozialismus, München 2013, 7-30.

Melanie Arndt, Umweltgeschichte, Version: 1.0, in: Docupedia-Zeitgeschichte, 11. 2.2010, URL: http://docupedia.de/zg/Umweltgeschichte_Version [letzter Zugriff 12. April 2013].

Klaus Gestwa: Ökologischer Notstand und sozialer Protest. Der umwelthistorische Blick auf die Reformunfähigkeit und den Zerfall der Sowjetunion, in: Archiv für Sozialgeschichte 43 (2003), S. 349-384.

Klaus Gestwa: Polarisierung der Sowjetgeschichte. Die Antarktis im Kalten Krieg., in: Osteuropa 61 (2011), Heft 2-3, S. 271-289.

Boris Belge/ Klaus Gestwa: Wetterkrieg und Klimawandel. Meteorologie im Kalten Krieg (zus. m. Boris Belge), in: Osteuropa 59 (10/2009), S. 15-42.

Klaus Gestwa/Stefan Rohdewald: Verflechtungsstudien. Naturwissenschaft und Technik im Kalten Krieg (zus. m. Stefan Rohdewald, in: Osteuropa 59 (10/2009), S. 5-14.

Andy Bruno: Russian Environmental History: Directions and Potentials, in: Kritika 8 (2007), S. 635-650

Edmund Burke III/Kenneth Pomenranz (Hg.): *The Environment and World History*, Berkeley 2009

Sebastian Conrad: *Globalgeschichte. Eine Einführung*, München 2013.

Jane I. Dawson: *Eco-Nationalism. Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*, Durham/London 1996

Jens Ivo Engels, *Umweltgeschichte als Zeitgeschichte*, in: *Aus Politik und Zeitgeschichte* 56 (2006), Heft 13, S. 32-38

Laura A. Henry: *Red to Green. Environmental Activism in post-Soviet Russia*, Ithaca 2010

Melvyn P. Leffler/Odd Arne Westad (Hg.): *The Cambridge History of the Cold War*, 3 Bde., Cambridge 2009.

Bo Libert: *The Environmental Heritage of Soviet Agriculture*, Wallingford 1995.

John McCannon: *Red Artic. Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932-1939*, New York/Oxford 1998.

Paul Josephson, u.a., *An Environmental History of the Russia*, Cambridge 2013.

Robert W. Smurr: *Perceptions of Nature, Expressions of Nation. An Environmental History of Estonia*, University of Washington, unpublished Dissertation, 2002.

John R. McNeill: *Blue Planet. Die Geschichte der Umwelt im 20. Jahrhundert*, Bonn 2005 (amerik. Originalausgabe: *Something New Under the Sun. An Environmental History of the Twentieth-Century World*, New York 2000).

John McNeill/Corinna Unger (Hg.): *Environmental Histories of the Cold War*, Cambridge 2010.

Katherine Metzko: *The Formation of Tunka National Park. Revitalization and Autonomy in Late Socialism*, in: *Slavic Review* 68 (2009), S. 50-69.

Julia Obertreis: *Von der Naturbeherrschung zum Ökozid? Aktuelle Fragen einer Umweltzeitgeschichte Ost- und Ostmitteleuropas*, in: *Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History*, Online-Ausgabe, 9 (2012), Heft 1, URL: <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Obertreis-1-2012> [letzter Zugriff 12. April 2013].

Jonathan D. Oldfield: *Russian Nature. Exploring the Environmental Consequences of Societal Change*. Burlington 2006.

Clive Ponting: *A New Green History of the World. The Environment and the Collapse of Great Civilizations*, London 2007.

Joachim Radkau: *Die Ära der Ökologie. Eine Weltgeschichte*, München 2011.

Tobias Rupperecht: *Die sowjetische Gesellschaft in der Welt des Kalten Kriegs. Neue Forschungsperspektiven*, in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 58 (2010), S. 381-399

Manfred Sapper/Volker Weichsel (Hg.): *Grünbuch. Politische Ökonomie im Osten Europas*, Berlin 2008 (= Themenheft OSTEUROPA, 58, Heft 4-5).

Feliks Shtilmark: *History of Russian Zapovedniks, 1895-1995*, Edinburgh 2003.

Douglas R. Weiner: *A Little Corner of Freedom. Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev*, Berkeley 1999

Douglas Weiner: *A Death Defying Attempt to Articulate a Coherent Definition of Environmental History*, in: *Environmental History* 10 (2005), S. 404-420

Douglas R. Weiner: *Environmental Activism in the Soviet Context*, in: Christof Mauch/Nathan Stoltzfus/Douglas R. Weiner (Hg.): *Shades of green. Environmental Activism around the Globe*, Lanham 2006, S. 101-135.

Weiner 2009. Douglas R. Weiner: *The Predatory Tribute-taking State. A Framework for Understanding Russian Environmental History*, in: Burke/Pomeranz (Hg.): *Environment and World history*, S. 276-315.

Oleg Yanitsky: *Russian Greens in a Risky Society. A Structural Analysis*, Helsinki 2000.

Laurent Coumel/Marc Elie (Hg.): *Nature, Disasters, and Green Activists in the Soviet Union and the Post-Soviet States, 1960s-2010s. Special Issue*, in: *The Soviet and Post-Soviet Review* volume 40, number 2 (2013).

Яницкий О.Н. Экологический архив О.Н. Яницкого / Институт социологии РАН, Яницкий О. Н. // Официальный сайт ИС РАН – 2014. 3233 стр. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2983>